

Что, если притворство станет явью?

«Противоядие?»

Дуань Байюэ слегка нахмурился: он не понимал, о чём говорит этот мужчина.

Видя, что молодой человек долго молчит, тот нетерпеливо махнул рукой:

— Иди и позови своего отца, щенок. Я с тобой разговаривать не буду.

Дуань Байюэ прочистил горло и спокойно ответил:

— Мой отец умер много лет назад.

Наступила гробовая тишина. Мужчина был потрясён: он открыл рот, но не смог произнести ни слова. Дуань Байюэ снова спросил:

— Старший, вы отравлены?

Едва прозвучали эти слова, тело мужчины обмякло, и он рухнул без сознания. Другого выхода не было — Дуань Байюэ вынес его из запретной зоны и разместил в гостевой комнате княжеской резиденции, затем позвал врача.

Дуань Яо прятался у дверей, выглядывая наполовину.

— Заходи, — сказал Дуань Байюэ.

— Я правда так сильно его ранил? — Дуань Яо чувствовал сильную вину

«Не может быть — я ведь лишь один удар нанес. Разве врач не сказал, что боевые навыки этого человека невероятно сильны?»

— Что ты вообще там делал? — у Дуань Байюэ разболелась голова.

— Я не хотел нарушать запрет, — честно признался Дуань Яо. — Увидев на заднем холме змею — синюю гадюку, — я побежал за ней и не заметил, как попал в запретную зону. Потом этот внезапно как выскочит и бросится на меня. В панике я отразил удар и убежал. — Затем добавил: — Но я правда не сильно бил.

— Хорошо, просто будь осторожнее в следующий раз, — сказал старший. — Иди отдыхать.

— С ним точно всё будет в порядке? — Дуань Яо бросил взгляд на кровать.

— Лекарь сказал: от ярости сердце прихватило.

— Из-за того, что я его ударил? — мальчишка был в полном недоумении.

Дуань Байюэ покачал головой; сам он тоже не всё понимал.

— Тогда почему? — не унимался тот.

Дуань Байюэ в общих чертах пересказал их недавний разговор в лесу.

— И от этого можно упасть в обморок? — Дуань Яо дал волю фантазии: — Может, он тайно был влюблён в отца?

Дуань Байюэ отвесил ему затрещину по голове.

— Князь! — В этот момент тётушка Цзинь вошла с отваром. Увидев сцену, она укоризненно произнесла: — Сколько раз просила: не бейте маленького господина! Если уж бьёте — хотя бы не по голове.

Дуань Байюэ спокойно отнял руку. Они все вышли из комнаты.

— Тётушка, вы знаете этого человека? — спросил подросток, указывая в сторону комнаты.

— Лично не знаю, но слышана, — ответила тётушка Цзинь. — Раньше он был мастером боевых искусств с Центральных равнин, звали его Ту Буцзе. С юго-западной резиденцией он сначала никак не был связан, но однажды ворвался сюда, перебил стражу и потребовал отдать ему Третью супругу* князя. Кричал, что хочет сразиться с самим князем за неё.

*王妃 (wáng fēi) — принцесса-консорт — законная жена, а не наложница правящего принца или князя.

Третья супруга тогда была беременна, и князь Дуань Цзин души в ней не чаял. Столкнувшись с таким безумцем, он, разумеется, не стал проявлять терпение — вышвырнул его со двора, а потом, словно этого было мало, накормил горстью червей.

Ту Буцзе не стерпел такого унижения, и с того момента между ними завязалась вражда. Каждые три года он приходил, чтобы вызвать князя на поединок. Его раз за разом прогоняли, но он всё равно не отступал. Даже когда Третья супруга выходила к нему с маленьким принцем Дуань Юем на руках и умоляла уйти, он не поддавался.

Позже, когда Дуань Цзин тяжело заболел и понял, что дни его сочтены, он во время очередного визита Ту Буцзе оглушил его и заточил в запретной части задних гор. Так Ту Буцзе провёл в заключении более десяти лет.

— Странное дело, — сказала тётушка Цзинь. — На заднем холме ни клеток, ни цепей — даже ребёнок мог бы спокойно уйти. А он просидел там тысячи дней. Почему — до сих пор непонятно.

Братья одновременно подумали одно и то же:

«Что тут непонятного? Очевидно же — его просто облапошили».

— Эй, кто-нибудь! — вдруг крикнул Ту Буцзе из комнаты.

Дуань Байюэ вошёл внутрь, Ту Буцзе уже поднялся с кровати и стоял на ногах.

— Твой отец и правда умер?

Тот кивнул. Никто не стал бы шутить на такие темы — Ту Буцзе это понял и в знак благодарности скрестил руки в поклоне:

— Благодарю тебя, племянник*, что избавил меня от яда.

*闲直 (xián zhí) — 闲 «добродетельный, достойный», 直 «племянник»; родственный титул, неподходящий для первого знакомства или официальной ситуации.

Байюэ ответил спокойно, с лёгкой улыбкой:

— Не стоит благодарности, старший*.

*前贝 (qián bèi) — уважаемый старший, предшественник, ментор.

— Ну что ж, тогда я пойду, — сказал мужчина. — Не подскажешь, где сейчас Сяосяо? Хочу попрощаться.

Чжао Сяосяо — третья супруга князя Дуань Цзина, бывшая певица с юго-запада. Видимо, по этой причине Ту Буцзе считал её своей подругой или родственной душой*.

*红颜知己 (hóng yán zhī jǐ) — близкая подруга/женщина, душевно понимающая мужчину, доверенное лицо, но не обязательно любовница.

— Третья тётя умерла от болезни несколько лет назад.

Ту Буцзе застыл, потрясённый; в его глазах показалась искренняя скорбь.

— А Сяо-Юй?..

Сказал, что хочет странствовать по цзянху. Сейчас он должен быть в провинции Шу, — сказал Дуань Байюэ. — Это моя вина, как старшего брата, что я не позаботился о нём должным образом.

Ту Буцзе тяжело вздохнул, сделал шаг к выходу, но вдруг остановился:

— Не знаю, каким странным ядом меня отравили, но почему мне нужно было обязательно оставаться под тем деревом «Красных слёз», чтобы сохранить жизнь?

— Семилестный хайтан*, — спокойно ответил Дуань Байюэ.

*七叶海棠 (Qī yè hǎi táng) — «Семилестковый (семилестный) хайтан» или «Семилестковая айва/яблоня».

Ту Буцзе кивнул и, не оборачиваясь, вышел из дворца. Когда его силуэт скрылся, Дуань Яо спросил:

— Он правда был отравлен?

— Конечно, нет, — ответил Дуань Байюэ.

Если бы сейчас он не выдумал правдоподобную причину, этот человек наверняка отправился бы раскапывать могилы предков семьи Дуань. Для людей из боевого мира проигрыш и заточение на десять с лишним лет — не позор. Позор — быть обманутым столько лет просто так.

— Старый князь тоже странный, — вздохнула тётюшка Цзинь. — Перед смертью Дуань Цзин лишь велел вовремя носить еду на дальнюю гору и не тревожить заточённого без нужды. Больше никаких указаний. Если бы не сяо-ванъе, случайно увязавшийся за змеей, кто знает, сколько ещё тот бедняга провёл бы лет там.

— Я-то думал, запретная зона скрывает серьёзные тайны, — пожал плечами Яо. — А всё из-за такой ерунды.

Дуань Байюэ несколько не удивился. Зная характер их отца, это можно считать проявлением

снисхождения — наверное, благодаря вмешательству третьей тётки мужчине и пощадили жизнь.

Но никто особенно не обратил на это внимание. Ту Буцзе для всех был чужим — ушёл, и хорошо, это избавило их от необходимости готовить лишние порции еды.

— Ванъе! Ванъе! — в тот же день слуга вбежал в зал с криком. — Учитель Нань снова восстал из могилы! И на этот раз он чистый!

Дуань Байюэ потер виски в кабинете.

«Уже вернулся из Долины Цюнхуа?»

— Шифу! — радостный Дуань Яо спрыгнул с крыши.

Нань Мосе подхватил его на руки:

— Перед входом — это ты развёл жирных червей в бочке?

— Угу, — с гордостью кивнул подросток.

— Неплохо, — сказал Нань Мосе и потрепал его по голове.

— Учитель, — на пороге появился Дуань Байюэ, — почему не прислали письмо заранее? Я бы хотя бы успел исчезнуть.

— Мне нужно поговорить с тобой, — Нань Мосе опустил мальчишку на землю и прошёл в кабинет.

Дуань Яо хотел зайти, но его тут же остановили и вывели за дверь.

— ...

Байюэ похлопал младшего брата по голове и вошёл следом за наставником. Оставшись во дворе один, Яо обиженно сел на корточки и стал копать червяков.

— Ну почему опять нельзя?! — пробормотал он себе под нос.

— О чём учитель хотел со мной поговорить? — тем временем спросил Дуань Байюэ, наливая чай.

— Через какое-то время гу в твоём теле снова проснутся, — серьёзно сказал Нань Мосе. — «Небесная Киноварь» до сих пор так и не найдена. Если хочешь пережить это без последствий, тебе лучше уйти со мной в затворничество.

— Учитель слишком преувеличивает, — покачал головой тот в ответ. — Это всего лишь несколько ядовитых гу.

— Этих гу я вырастил сам и знаю, чем это может кончиться! — отрезал старик. — Этот вопрос не обсуждается.

— Благодарю учителя за слухи, будто Яо-эр практиковал «Сутру Сердца», — холодно напомнил Дуань Байюэ. — Только за этот месяц к воротам нашего дома явилось больше десятка сватов. Если мы уйдём в затвор, боюсь, к нашему возвращению Яо-эра не только похитят, но, глядишь, у него уже и ребёнок появится.

— ...

— Ученик знает меру. Учитель может не беспокоиться, — спокойно закончил он.

Но Нань Мосе не собирался сдаваться — в ту же ночь он покинул резиденцию. Что именно он задумал, Дуань Байюэ не знал, но тревожное предчувствие не отпускало его.

И действительно, на следующее утро Нань Мосе вернулся — и не один. С собой он притащил человека — Гу Юньчуаня, управляющего столичным музыкальным заведением «Башня Лунного Отблеска».

— Гу-сюн? — удивлённо спросил Дуань Байюэ. — Что ты здесь делаешь?

— Я как раз ехал в Цзяннань, — ответил тот. — По дороге захотел заехать на юго-запад закупить лекарственного сырья*. Планировал навестить князя Дуаня послезавтра, но сегодня утром на рынке случайно столкнулся с учителем Нань — и он без лишних слов привёл меня сюда.

*药材 (yào cái) — лекарственные травы и ингредиенты для медицины.

— Яо-эр! — позвал старик.

— Учитель! — подросток радостно подпрыгнул, подбежал с большой гусеницей в руке и спросил: — Мы идём на рынок за завтраком?

Нань Мосе взмахнул ладонью и с безупречной точностью вырубил мальчишку одним ударом.

Гу Юньчуань:

—...

Дуань Байюэ:

—...

«Такой искренний, весёлый, беззлобный... И вы так легко смогли его ударить?..»

— Побеспокою тебя, молодой господин Гу, — Нань Мосе передал ему человека. — В последнее время некоторые хотят причинить Яо-эру неприятности. Пожалуйста, заведи его в столицу; через три-пять месяцев за ним приедут.

Гу Юньчуань очень хотел отказаться:

— Я же сказал, что направляюсь в Цзяннань.

— Тогда отведи его в Павильон Фужун («Павильон Лотоса»), — Нань Мосе был не привередлив.
— Всё сгодится, всё.

Гу Юньчуань бросил взгляд на Дуань Байюэ, ища поддержки. Тот потер виски и вздохнул:

— Благодарю за помощь, Гу-сюн.

Гу Юньчуань чувствовал себя глубоко обманутым.

Все знали, что молодой князь Юго-Запада — свирепый, коварный мастер боевых искусств и любитель травить людей.

А он всего лишь хотел купить пряностей* на рынке и увезти их с собой, но не ожидал навлечь на себя такие неприятности.

*香料 (xiāng liào) — пряности, ароматические вещества, специи.

Однако дело было сделано, и сожалеть было поздно: Гу Юньчуаню пришлось вздохнуть и отправиться в путь с бессознательным Дуань Яо в Цянье (город «Тысячи Листьев»). Оставалась лишь надежда найти возможность поскорее оставить его в резиденции Жиюэ («Солнца и Луны») — и обрести покой.

С отъездом младшего в резиденции Юго-Запада стало ещё тише. Дуань Байюэ каждое утро медитировал в каменной комнате, ожидая пробуждения гу в своём теле, чтобы затем уйти в затворничество в гробницу.

Прошло ещё полмесяца, и по склонам юго-западных гор расцвели огненно-красные цветы Ло Фэйся («Падающая багряная заря»). Их лепестки собирали для изготовления вина: жидкость отливала алым, а сладкое, долгое послевкусие и праздничный вид делали напиток невероятно ценным.

Несколько десятков быстроходных лошадей день и ночь без усталости неслись в сторону столицы, везя целую повозку этого вина — как дань правителю.

Чу Юань, привыкший к бережливости и самодисциплине, обычно почти не прикасался к спиртному, поэтому большинство кувшинов отправили министрам, оставив во дворце лишь один.

— Это ведь вино от князя Синаня... — тревожно обсуждали чиновники. Всё подсказывало: там либо яд, либо какие-то мерзкие насекомые.

Чу Юань не придавал этому большого значения: он спокойно налил себе чашу, выпил, и его щеки тут же порозовели от тепла.

— Вашему Величеству понравилось? — услужливо спросил евнух Сыси и наполнил чашу снова.

— Немного слабовато, — ответил император — Но послевкусие приятно сладкое. Отличается от прошлого года.

— Конечно! Я слышал от человека, который принёс его, что эти двенадцать кувшинов вина в этом году сварены собственноручно князем Синаня, — сказал евнух Сыси. — Конечно, вкус будет отличаться.

— ...

«Что?»

Полчаса спустя из дворца выехал большой отряд императорской гвардии, чтобы срочно собрать кувшины вина, ранее отправленные сановникам.

— Хорошо, что ещё не успели выпить... — с облегчением вздохнули чиновники, — как и ожидалось — отравлено.

Возможно, из-за выпитого алкоголя той ночью, но Чу Юань впервые за долгое время крепко уснул и на утреннем совете выглядел бодрее и даже пребывал в хорошем настроении.

Господин Лю Дацзюнь, стоя впереди, мысленно отметил: хотя император обычно выглядел торжественно, эта редкая улыбка подчёркивала его поразительную красоту. Мысль о том, чтобы сосватать ему кого-нибудь, стала ещё более настойчивой.

□□

Дни шли — казалось, и медленно, и быстро одновременно, и прежде чем кто-то успел опомниться, лето сменилось осенью. Ветер стал холоднее, а горы окрасились багрянцем от кленовых листьев.

— Скоро зима, — сказал Дуань Байюэ в княжеской резиденции. — Срок уже прошёл. Думаю, в этом году гу так и не пробудятся, так что учителю не придётся так усердно помогать с очищением моей энергии.

— До конца года ещё четыре месяца, — покачал головой Нань Мосе. — Пока не наступит Новый год, терять бдительность нельзя. И из дома — ни шагу.

— Но если мы не заберём Яо-эра обратно, боюсь, имущество брата Гу вскоре сильно пострадает, — спокойно заметил Байюэ.

— Ты — уважаемый князь, неужели боишься не возместить ущерб одному борделю? — прищурился Нань Мосе.

Тот опешил, не найдя, что возразить.

К счастью, как раз в этот момент прибыл стражник с письмом из дворца.

Взгляд Нань Мосе стал многозначительным.

Дуань Байюэ быстро развернулся, надеясь только, что учитель его больше не задержит и не начнёт читать наставления о... половой близости между мужчинами.

Такого учителя, откровенно говоря, хотелось бы снова закопать в землю.

Письмо было коротким, всего пара строк, но, прочитав его, Дуань Байюэ слегка нахмурился.

— Ванье, — Дуань Нянь вошёл в комнату с подносом, на котором лежали еда и отвар. — Тётушка Цзин передала, велела обязательно перекусить перед тем, как пить лекарство.

— Спасибо, — кивнул Дуань Байюэ, машинально взяв булочку*. — Позови Лу Фэна.

*糕 (gāo diǎn) — выпечка, сладости, кондитерские изделия.

— Генерала Лу? — осторожно уточнил Дуань Нянь.

— Кого же ещё? — усмехнулся Дуань Байюэ. — Что, и об этом нужно спрашивать?

— Этот слуга не смеет, — сказал Дуань Нянь. — Но учитель Нань и тётушка Цзинь говорили, что в оставшиеся месяцы князю лучше ничего не делать.

«Было бы прекрасно, если бы он только ел и спал».

— Иди, — покачал головой Дуань Байюэ. — Я хочу увидеть его до того, как остынет чашка чая.

— Есть! — подчинённый приложил кулак к груди и широкими шагами вышел из кабинета.

Дуань Байюэ откинулся на спинку кресла и задумчиво взглянул в окно — в уголках его глаз промелькнула лёгкая улыбка.

□□□

В это время по государственной дороге под звёздным небом медленно двигалась карета. Евнух Сыси подал чашку чая обеими руками:

— Ваше Величество.

— Сколько ещё дней пути? — очнулся император.

— Ваше Величество, мы доберёмся до Хуаньтяньчжай («Поселение/Логово Ликования») примерно через тридцать дней, — отвечал Сыси. — Соревнование за руку девушки из семьи Ли состоится двадцать восьмого числа следующего месяца, так что мы успеем как раз вовремя.

Чу Юань кивнул и снова закрыл глаза, продолжая отдыхать.

На этот раз он тайно покинул столицу, официально объявив, что из-за недомогания отправляется на восстановление в усадьбу Чэнъянь, а государственными делами временно займётся тайфу. Однако истинная цель — юго-запад, а точнее — Северная пустыня.

Предложение Дуань Байюэ было рассудительным: инсценировать столкновение между

войсками Чу и его армией, чтобы ввести в заблуждение северные племена. Те, решив, что началась война, не удержатся и захотят вмешаться, чтобы урвать свой кусок. Именно тогда можно будет неожиданным ударом уничтожить их всех и, имея на то основание, изгнать раз и навсегда.

Три дня назад Шэнь Цяньфань уже получил секретный приказ и, мчась с северо-запада, направился в Хуаньтяньчжай.

Чтобы участвовать... в состязании за руку невесты.

— Состязание за руку невесты? — Нань Мосе выхватил секретный приказ из рук Дуань Байюэ, быстро пробежал глазами и тут же воскликнул: — Ни за что!

— Почему нет? — спокойно спросил Дуань Байюэ.

— А почему да?! — Нань Мосе округлил глаза. — Что хорошего тебе это принесёт?

— Принесёт, — ответил тот.

— Что именно?! — Старик побагровел от возмущения.

— Настроение поднимется.

— ...

— После этого, — спокойно продолжил князь, — император Чу пообещал мне весь Юго-Запад.

Нань Мосе сжал кулаки; ему безумно хотелось снять сапог и ударить ученика по голове.

— В любом случае, я должен отправиться в Хуаньтяньчжай. Даже если вы, учитель, захотите меня остановить, это, боюсь, не поможет.

Нань Мосе ходил по комнате, заложив руки за спину, затем резко обернулся:

— А если яд снова даст о себе знать? Не боишься?

— С вами рядом — не боюсь, — отозвался мужчина.

Старик с грохотом сел на пол:

— Я не поеду! Я лучше умру, чем покину особняк.

— Жаль, — с видимым сожалением сказал Дуань Байюэ. — Значит, этот князь умрёт на чужбине.

У Нань Мосе потемнело в глазах.

— Прощу учителя хорошо заботиться об Яо-эре, — добавил тот трагично.

Нань Мосе думал, что если и умрёт, то не от «Сутры сердца», а от злости на этого бесстыжего парня. А ведь он — уважаемый князь Синаня — и собирается бороться за руку невесты?! Пусть даже это лишь предлог, но если слухи расползутся, будет такой позор, что старый князь в гробу перевернётся!

Дуань Байюэ и ухом не повёл. Ровно через месяц он вместе с пятью доверенными людьми выехал в сторону Хуаньтяньчжай. Нань Мосе, сгорая от злости, всё же собрал небольшой узелок и последовал за ним.

□□

В мире боевых искусств Центральной равнины Хуаньтяньчжай («Поселение/Логово Ликования») едва ли можно было отнести к числу крупных сект. Однако на юго-западе она все же пользовался определенным авторитетом. К тому же, глава секты Ли Тешоу был человеком щедрым, и потому в преддверии состязания за руку девушки в секту съехались видные мастера боевых искусств, что сделало местность довольно оживлённой и многолюдной.

Девушку, за руку которой устраивали состязание, звали Ду Чжэн. Много лет назад её выкупили из квартала у реки Циньхуай*, где она была певицей. Говорили, что её красота была утончённой и редкой. Обычно богатые люди выкупали таких женщин, чтобы взять их в наложницы, но Ли Тешоу привёл её домой и признал приёмной дочерью — тогда это стало предметом всеобщего восхищения и похвалы.

*□□□ (Qínhuái Hé) — Циньхуай — река в городе Нанкин. Исторически была культурным и развлекательным центром; район вдоль реки был известен как место проживания куртизанок, певиц, артисток.

Будучи красавицей, она, естественно, имела множество поклонников. Еще до начала состязания слухи о нём уже распространились далеко за пределы города: от боевых героев из Цзянсу до богачей из Чжэцзяна — почти все следили за этим делом. Ещё более удивительно, что, по слухам, даже великий генерал Шэнь Цяньфань и князь Синаня Дуань Байюэ неравнодушны к Ду Чжэн и намеревались участвовать.

Услышав это, местные были шокированы. Хотя боевые соревнования за руку и сердце в мире

боевых искусств не редкость, обычно они служили лишь демонстрацией своей силы. Как такое событие могло привлечь даже князя пограничных земель и высокопоставленного генерала империи?

— Говорят же, молодая госпожа Ли не простая! — у старого дерева на улице поселенин оживлённо жестикулировал, брызгая слюной. — Первая красавица Циньхуай, разве может сравниться с дочерьми из обычных семей? Ц-ц-ц.

Народ также столпился вокруг, оживлённо обсуждая: если явятся князь Юго-Запада и генерал Шэнь, то Ду Чжэн, скорее всего, не достанется другим. Остаётся лишь габлюдовать, кому из этих двоих повезёт в конечном счёте заполучить красавицу.

Неподалёку от Хуаньтяньчжай находилась усадьба, хозяин которой носил фамилию Чжоу. Открыто он торговал зерном, но втайне служил глазами и ушами императорского двора в этом регионе.

Во время своего путешествия Чу Юань остановился именно в этом месте.

Дуань Байюэ сидел на втором этаже городского ресторана, потягивая вино и издали глядя на два больших красных фонаря у ворот усадьбы Чжоу.

— Раз уж приехал, почему не пойдёшь к нему? Неужто умеешь глазами через стену видеть*? — язвительно спросил Нань Мосе.

*平遙眼 (Píng zhúoyǎn zhūzǐ jiāng rén huóhuó kàn chūlái) — букв. «с помощью глазных яблок высмотреть человека заживо». Ироничная гипербола, означающая «бесполезно пытаться разглядеть что-то лишь глазами на расстоянии». Ага, нужно действовать, дорогой князь.

Дуань Байюэ усмехнулся:

— Если он захочет меня увидеть, сам пошлёт за мной.

«Ещё и надеется, что его пригласят? — Нань Мосе вздохнул про себя. — Если так дальше пойдёт, то так и останется холостяком*.»

*槁木 (gǎo mù) (dǎ guāng gùn) — букв. «быть голой палкой»; жить холостяком. Я немного урезала это предложение, но суть передала; в любом случае, учитель критикует пассивную позицию ученика.

— Пойдёмте, — сказал Дуань Байюэ. — Вернёмся в гостиницу.

Нань Мосе подумал, что по возвращении обязательно найдет городского плотника Чжана и закажет позолоченную табличку «Мастер любви»* для главного зала княжеской резиденции.

*情圣 (qíng shèng) — «Воплощение любви» / «Святой любви», где 情 — «чувства», «любовь», 圣 — «святой», «мудрец», «великий мастер».

В особняке Чжоу император последние несколько дней пребывал в хорошем настроении, поскольку Е Цзинь тоже был в Хуаньтяньчжае и даже приходил к нему вместе пообедать. Хотя он всё ещё ворчал и держался так, будто они едва знакомы, Чу Юань не стал придираться, зная его характер. Оттого в доме царила непринуждённая и дружелюбная атмосфера.

— Ты слишком слаб ещё и постоянно недосыпаешь, — в тот день после полудня Е Цзинь схватил его за запястье и проверил пульс. — Остайся здесь. Я принесу лекарства.

Чу Юань кивнул, проводил его взглядом и вернулся в спальные покои. Но за столом его уже ждал человек.

□□□

— Рад тебя видеть целым и невредимым*, — сказал Дуань Байюэ, опуская чашку с чаем.

*□□□□ (bié lái wú yàng) — «надеюсь, с момента нашей последней встречи у вас все было хорошо». Вы часто можете видеть эту фразу в китайских произведениях.

— Если я не ошибаюсь, день встречи был назначен не на сегодня, — заметил Чу Юань, его тон был спокоен, как гладь озера.

— Когда есть свободное время, почему бы не нанести визит? — улыбнулась Дуань Байюэ. — Кроме того, если бы не Ваше Величество, это состязание за руку невесты вряд ли заинтересовало бы меня хоть когда-нибудь в жизни.

— Это всего лишь постановка, — заявил император, садясь за стол.

— Хоть это и постановка, — тихо спросил Дуань Байюэ, слегка приблизившись, — что, если притворство станет явью?

Чу Юань оттолкнул его ладонью и холодно сказал:

— Тогда я, естественно, поздравлю князя Юго-Запада.

Дуань Байюэ усмехнулся и покачал головой:

— Глупости, я просто шучу. Как я могу жениться на другой?

— В городе много посторонних глаз, — Чу Юань отвёл взгляд, — если нечего делать — уходи. Через три дня во время битвы Цяньфань, естественно, проиграет тебе, но если ты серьёзно ранишь его, я тебя не прощу!

В комнате воцарилась тишина. Лишь спустя долгое время Дуань Байюэ улыбнулся и сказал:

— Хорошо.

Чу Юань больше ничего не сказал. Дуань Байюэ встал и, толкнув дверь, почувствовал острую боль в груди. Раньше такое случалось, но теперь это было по-другому. Он горько усмехнулся и один вернулся в гостиницу.

— Ну как? — Нань Мосе смотрел горящими глазами. — Лекарство, что дал учитель, помогло?

— Выбросил, — спокойно ответил Дуань Байюэ.

Нань Мосе был в отчаянии:

— Что ты сказал? Ведь оно стоило больших денег!

— «Весеннее наваждение»* не подойдет, но, возможно, другое лекарство сработает, — Дуань Байюэ, опираясь, сел за стол, на лбу выступил холодный пот. — По крайней мере, до битвы за невесту нужно, чтобы эти черви послушно вернулись в спячку.

*春闺醉 (chūn guī zuì) — дословно «весеннее опьянение в женской спальне». Здесь — название афродизиака.

<http://bllate.org/book/14135/1244326>